

СПЕКТАКЛИ ПОССАРТА.

Непонятно, для чего была поставлена архаическая и наивная как анекдотъ комедія Топфера «Приказъ короля». Играть Поссарту здѣсь почти нечего: фигура Фридриха II очерчена очень узко и схематично, только со стороны виѣшной суровости короля, который подъ маской воинатилъ сердечную теплоту и великодушіе.

Ноя сдва замѣтныя историческія черты, герой сентиментальной пьесы Карла Топфера упражняетъ свои благородныя чувства въ мелкой сферѣ: недовольный намѣреніемъ одного богатаго прусскаго барона выдать дочерей за двухъ трусливыхъ французскихъ аристократовъ, онъ приказываетъ двумъ офицерамъ своей арміи отбить дѣвицъ у французовъ. Послѣ нѣсколькихъ водеvilныхъ препятствій и проникнутыхъ наивнымъ патриотизмомъ сценъ brave офицеры, съ благословенія короля—свата, получаютъ согласіе дѣвицъ и баронскіе милліоны.

Послѣ неудачи съ первой пьесой тѣмъ большую радость доставилъ Поссартъ въ мольтеровскихъ «Ученыхъ женщинахъ». Ради Поссарта мольтеровскій текстъ подвергся довольно значительнымъ сокраще-

ніямъ, имѣвшимъ цѣлью выдвинуть текстъ Кризалья—Поссарта; объ этихъ купюрахъ не приходится, впрочемъ, жалѣть, такъ какъ и здѣсь все, кромѣ Поссарта, игралъ не ярко и вразбродъ.

Зато Поссартъ подарилъ намъ новымъ сценическимъ шедевромъ. Слѣдую своей всегдашней потребности сводить изображаемое имъ лицо къ единству, выдѣляя какую-либо одну основную черту его личности, онъ здѣсь поставилъ въ центрѣ образа ограниченную тупость Кризалья.

Объ этой тупости властно заявляетъ и пріотытый, съ отвисшей губой ротъ, и наискось срезанный, низкій лобъ, и ставшіе круглыми, недоумѣнно мигающіе глаза, и грузная тучность, которая какъ будто отражаетъ такую же неповоротливость мышленія.

Большое мастерство представляетъ виѣшность Кризалья-Поссарта, но не ниже и динамическая сторона его исполненія. Какъ-то интуитивно, съ великодушными отбѣнками передаетъ онъ «зыбь», подымающуюся на мелкой психикѣ Кризалья: его овеваю робость передъ женой, его недоумѣніе передъ ученостью, его ребяческую хвастливость, его несерьезные протесты и жалкій ропотъ на судьбу, въ который онъ и самъ почти не вѣритъ.

Превосходно найдены интонаціи, съ которыми артистъ передаетъ бравату Кризалья о томъ, какъ онъ въ молодости, будучи въ Римѣ, удачно ухаживалъ за женщинами. Много юмора въ томъ, какъ Кризаль величаетъ себя сначала «такъ называемымъ отцомъ», а потомъ «пѣтухомъ въ семьѣ».

Въ нѣмецкой обработкѣ мольтеровской сатиры есть не только сокращенія, но и нѣсколько небольшихъ вставокъ, именно у Кризалья. Среди нихъ интересное всего безмолвная сцена, когда Кризаль во время чтенія поэта Триссотена входитъ, нѣмкимъ не замѣчаемый, въ гостинную и, по ошибкѣ отнеся къ себѣ энергичный стихъ изъ поэмы Триссотена, пугается и убѣгается. Поссартъ дѣлаетъ здѣсь всего нѣсколько шаговъ по сценѣ, пересѣкая ее наискось отъ одной двери къ другой, но на зайчемъ лицѣ Кризалья написана новая страница изъ его убогаго бытія: вотъ именно теперь, въ эту минуту онъ отрезвѣлъ отъ своего рабства, онъ встряхнулся—и пусть косноязычно, пусть ненадолго, но онъ заявитъ о своихъ правахъ, о своей личности.

Л. Василевскій.